

ТАСЯ ГЕРЦ

КНИГА-ИСПОВЕДЬ ЖЕНЩИНЫ

ДИКАЯ. ЖАДНАЯ. ЖИВАЯ

ИСТОРИЯ О ПРАВЕ НА СТРАСТЬ, ЧЕСТНОСТЬ
И ЖИЗНЬ БЕЗ МАСОК

18+

Психология отношений

Тася Герц

Дикая. Жадная. Живая

«Автор»

2026

Тася Герц

Дикая. Жадная. Живая / Тася Герц — «Автор»,
2026 — (Психология отношений)

Что, если завтра не наступит? Что останется — кроме упущенных мгновений, несказанных слов и нереализованной страсти? Она долго молчала. Сдерживала стоны, прятала желания, гасила огонь в глазах — ради «приличия», «спокойствия», «стабильности». Но однажды спросила себя: если сегодня последний день — о чём я пожалею больше всего? О чём жалеют на пороге вечности? Не о карьерных неудачах и не о несбывшихся путешествиях. А о несказанных словах, нереализованной страсти, непрожитых мгновениях рядом с тем, кто был так близко — и так далёко. Книга-исповедь женщины, которая заглянула в бездну «а что, если это конец?» — и нашла в себе силы изменить всё завтра. История о праве на страсть, честность и жизнь без масок. Каждая строка — как шёпот на грани слышимости. Каждое слово — вызов условностям.

© Тася Герц, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Тася Герц

Дикая. Жадная. Живая

Глава первая

У каждого мужчины где-то на свете есть женщина, созданная только для него. Не та, что мелькает в зеркале соцсетей, не та, что играет роли на вечеринках, – а *та самая*. Она может жить в соседнем дворе или за три тысячи километров, может ещё не знать его имени, но её дыхание уже синхронизировано с его шагами. Где-то бьётся сердце, которое ждёт именно его прикосновений, именно его взгляда, хриплого «ты здесь» в полутёмной комнате, когда слова больше не нужны.

Он может годами не замечать её – путаться в чужих объятиях, искать утешение в случайных взглядах, – но однажды всё изменится. Она войдёт – и время замедлится. Не потому, что она ослепительно красива, а потому, что её присутствие *выключает шум*. Все эти «надо», «должен», «когда же закончится день» – растворяются. Остаётся только первобытное, животное понимание: *она*.

Её запах – не духи, а что-то своё, тёплое, родное. Её рука, случайно коснувшаяся его рукава, посылает разряд вдоль позвоночника. Он ещё не знает её имени, но уже чувствует: эта кожа создана, чтобы напоминать его пальцы. Эти губы – чтобы ловить его дыхание. Эта ночь – чтобы стереть все «до».

Это не сказка о судьбе – это физика близости. Где-то существует тело, чьи линии повторяют его линии. Чьи ритмы – сердцебиение, дыхание, шаг – складываются с его ритмами в единый такт. Они могут пройти мимо друг друга десять раз, не узнав. Но однажды – взгляд задержится. Рука задрожит, протягивая чашку кофе. Голос сорвётся на полуслове. И тогда начнётся *узнавание*. Не глазами – нервами. Не разумом – жаром под кожей.

Они не спешат. Изучают. Запоминают. Кончиками пальцев – изгиб талии, шёпотом – родинки на плече, губами – пульс у основания шеи. Здесь нет ошибок, нет «не так» – только то, что *подходит*. Как ключ к замку, как дыхание к дыханию. По тому, как воздух становится гуще, когда она входит. По тому, как тишина между ними перестаёт быть пустой. И тогда мир схлопнется до двух тел, сплетённых в темноте, до шёпота на границе сна и яви: «Наконец-то ты».

Она станет его зеркалом: в ней он увидит не себя, а того, кем может быть – уязвимого, настоящего, *живого*. А он станет её убежищем: там, где её страхи растворяются в его ладони, лежащей на её спине. В её смехе – эхо его мыслей. В её молчании – ответ на вопросы, которые он боялся задать.

И когда она наконец шепчет «останься», он понимает: он уже никуда не уйдёт. Он *дома*. Мир сузится до двух теней на стене, до сбившегося дыхания, до шёпота: «Я тебя нашёл».

**Что я на самом деле чувствую прямо
сейчас – и почему боюсь назвать это слово?**

Я сижу у окна, слушаю, как за стеклом шумит вечер, а внутри – будто струна натянута до предела. Дрожь где-то под рёбрами, в кончиках пальцев, в глубине взгляда, который то и дело возвращается к твоему сообщению.

Что я чувствую? Всё просто и всё невыносимо сложно. Я хочу сказать это слово – громко, шёпотом, между строк, между вдохами. Но боюсь. Боюсь, что оно станет слишком реальным. Что прозвучит – и мир изменится. Что ты услышишь его и... не ответишь тем же. Или, ещё страшнее, ответишь – и тогда уже не будет пути назад.

Это не просто желание. Это притяжение, которое сильнее воли. И я боюсь назвать его, потому что тогда придётся признать: я уже не совсем своя.

Я закрываю глаза и представляю, как ты сейчас где-то там, думаешь обо мне. Или не думаешь. И от этой мысли внутри всё сжимается.

Я не готова к тому, чтобы ты увидел меня настолько обнажённой – не телом, а душой. Потому что это слово – не просто звук. Это признание, что ты уже часть меня. И что без тебя будет... пусто.

Моё сердце бьётся так громко, что, кажется, ты мог бы услышать его через тысячи километров. Я трогаю губами край чашки с остывшим чаем и думаю о твоих руках. О том, как они могли бы сейчас лежать на моих плечах, спускаться ниже, заставляя забыть обо всём, кроме этого мгновения.

Почему я не могу произнести это слово? Потому что оно как ключ. Стоит только прошептать его – и откроется дверь в мир, где нет правил, страхов, границ. Где есть только ты и я, и эта сумасшедшая, пьянящая близость, от которой кружится голова.

Я боюсь не его силы – я боюсь своей реакции. Боюсь, что, услышав его, я потеряю контроль. И больше никогда не захочу его возвращать.

Тени на стене танцуют какой-то древний танец, а я всё смотрю на экран телефона. Жду. Не сообщения – подтверждения. Что это не только во мне. Что где-то там, в твоей груди, тоже бьётся что-то похожее.

Дыхание сбивается, когда я представляю твой голос – низкий, чуть хриплый, с этой насмешливой ноткой, от которой по спине бегут мурашки. Я закусываю губу, пытаюсь сосредоточиться на чем-то другом, но мысли снова и снова возвращаются к тебе.

Может, я просто трусиха. Может, я боюсь боли. Но, скорее всего, я боюсь счастья – такого острого, настоящего, что от него больно. Потому что если это правда... если это *оно*... то я уже никогда не буду прежней.

Когда в последний раз я сделала что-то только для себя – без оправданий и чувства вины?

Когда в последний раз я сделала что-то только для себя? Без оправданий, без мысленного списка «а вот это я потом наверстаю», без тихого шёпота вины где-то на краю сознания?

Кажется, это было давно. Так давно, что даже воспоминание размыто, как старая фотография, выгоревшая на солнце. Может, тот вечер, когда я купила себе дорогое платье – не потому, что «надо к сезону», а просто потому, что оно было *моё*? Или когда вместо уборки села читать книгу, а потом уснула с ней, не дочитав, но счастливая?

Я ловлю себя на мысли: я разучилась баловать себя без причины. Каждый шаг – как будто под отчёт. «Можно, если успею всё остальное». «Разрешаю, но только на полчаса». А потом – снова в строй: обязанности, ожидания, чужие нужды.

Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить. Когда? Когда я в последний раз позволила себе что-то без угрызений совести?

Может, тогда, в поезде, когда я вышла на незнакомой станции просто потому, что пейзаж за окном манил? Или когда купила те духи – с запахом дождя и чего-то запретного, – и нанесла их на запястье, зная, что никто, кроме меня, их не почувствует?

А может, и нет. Может, это всё иллюзия – будто я когда-то умела так жить. Будто была той женщиной, которая могла позволить себе каприз, страсть, мгновение без оглядки.

Сейчас я ловлю себя на том, что даже удовольствие раскладываю по полочкам: «заслужила», «можно», «потом». Как будто счастье – это премия за хорошее поведение, а не естественное право.

Хочу вспомнить, каково это – быть просто *собой*.

В последний раз... Когда?

Я перебираю дни, как бусины четок, и понимаю – давно. Слишком давно. Всё стало «для кого-то»: завтрак – чтобы быть в форме, прогулка – чтобы «разгрузить голову», улыбка – чтобы не расстраивать. Даже сон – как обязанность, а не как наслаждение.

А потом вдруг всплывает один вечер. Я помню его до деталей: тёплый душ, бокал вина, музыка, которую никто не любит, кроме меня. Я танцевала. Просто так. Босая, в халате, с

мокрыми волосами. Ни для кого. Ни ради чего. Просто потому, что тело хотело двигаться, а душа – дышать.

Я помню, как смеялась тогда – легко, свободно, почти по-детски. И как потом проснулась с чувством вины: «Ну вот, опять потратила время впустую».

Как же так вышло, что радость стала преступлением против самой себя? Что позволение себе мгновения счастья требует оправданий?

Я хочу вернуть тот вечер. И сделать его не исключением, а правилом.

Когда? Когда я в последний раз сделала что-то *только* для себя?

Пытаюсь вспомнить – и не могу. Всё слилось в один поток «надо», «должна», «пора». Даже маленькие радости – как украденные минуты: быстрый глоток кофе с корицей, пока никто не видит; книга под одеялом, когда уже давно пора спать; взгляд в окно вместо экрана ноутбука.

А ведь когда-то я умела. Я могла проснуться и решить: сегодня – мой день. И пойти гулять по городу без цели, купить мороженое в форме сердца, позвонить старой подруге просто так.

Что изменилось? Кто научил меня чувствовать вину за собственное счастье?

Сейчас, сидя в полутьме, я закрываю глаза и представляю: вот я делаю что-то. Просто потому, что хочу. Не объясняя. Не оправдываясь. Не откладывая «на потом».

И внутри что-то откликается – тихо, но уверенно. Как будто давно запертая дверь слегка приоткрывается. И оттуда, из глубины, доносится шёпот: «Ты можешь. Ты имеешь право».

Когда? Когда я последний раз позволила себе роскошь быть эгоисткой?

Не «побаловать себя за успехи», не «наградить за труды», а просто – взять и сделать. Потому что хочу. Потому что моё тело, моя душа, моё *я* этого просит.

Может, это было в юности? Когда я могла сорваться в другой город на концерт, зная, что завтра экзамен? Или когда танцевала на пляже ночью, мокрая от брызг, счастливая и свободная?

А сейчас... Сейчас я ловлю себя на том, что даже оргазм – и тот иногда кажется «разрешённым», а не естественным. Как будто я должна заслужить право на удовольствие.

Эта мысль обжигает. Я вдруг отчётливо понимаю: я отдала свою свободу. По кусочкам, по дням, по «ну надо же». И самое страшное – сделала это сама.

Чего я избегаю настолько упорно, что даже не позволяю себе подумать об этом?

Я прячу это глубоко, как запретную книгу с пожелтевшими страницами, которую стыдно достать с полки. Это не просто мысль – это образ. Твой силуэт в полутьме комнаты, движение твоих плеч, когда ты снимаешь рубашку. То, как ты смотришь – не на лицо, а *ниже*, задерживая взгляд, будто пробуя на вкус.

Я избегаю думать о том, каково это – оказаться в твоих руках. Не в объятиях «как положено», а в захвате, от которого перехватывает дыхание. Когда нет слов, только кожа, жар, сбившееся дыхание. Когда ты не спрашиваешь разрешения – ты *берёшь*, и я *отдаюсь* – без остатка, без страха, без оглядки.

Я избегаю думать об этом так старательно, что сама удивляюсь своей изобретательности. Как только мысль подкрадывается – я тут же переключаюсь: на список дел, на телефон, на любой пустяк.

Но она всё равно просачивается – ночью, в полусне, когда сознание ослабевает. Я вижу тебя. Твою руку на моём бедре – не нежно, а твёрдо, уверенно. Твой голос у самого уха: «Не сопротивляйся». И я не сопротивляюсь.

Я избегаю представлять, как ты ведёшь – жёстко, властно, не оставляя выбора. Как твои губы находят самые чувствительные места, а пальцы запоминают каждый изгиб моего тела,

будто изучают карту сокровищ. Как я забываю, кто я, где я, что «можно» и что «нельзя» – есть только ты, я и эта безумная, всепоглощающая близость.

Почему избегаю? Потому что если позволю себе *почувствовать* это до конца, если дам волю воображению, то уже не смогу остановиться. Я сорвусь, как с обрыва, и не буду знать, смогу ли вынырнуть. А ещё страшнее – *захочу ли* выныривать.

Есть мысль, которую я загоняю в самый дальний угол сознания. Она там, за толстой дверью, запертая на семь замков. Но иногда я слышу её шёпот – тихий, настойчивый, соблазнительный.

Я избегаю думать о том, как ты мог бы *взять* меня. Не попросить, не намекнуть, а именно взять – уверенно, без колебаний. Как твои руки легли бы на мои запястья, прижимая их к постели. Как ты наклонился бы ко мне, и я почувствовала бы твоё дыхание – горячее, прерывистое. Как ты прошептал бы что-то – не ласковое, а властное, от чего внутри всё сжалось бы в сладкой судороге.

Я избегаю этих картин, потому что они слишком яркие. Они вырываются из-под контроля, заполняют сознание целиком. И тогда я уже не «правильная», не «разумная», не «та, что держит себя в руках». Я – просто женщина. Желаящая. Жажущая. Отдающаяся.

Я не позволяю себе думать об этом. Ни секунды. Ни намёка.

Но мысль просачивается сквозь щели – как дым от костра в закрытом помещении. Она заполняет лёгкие, дурманит голову.

Я избегаю представлять, каково это – быть с тобой *полностью*. Не наполовину, не «почти», а до конца. До точки невозврата. Когда ты больше не сдерживаешься, и я тоже. Когда твои губы – на моей шее, на груди, ниже... Когда твои пальцы знают, где надавить, чтобы я стонала. Когда твоё тело – тяжёлое, горячее – прижимает меня к матрасу, и я чувствую *всё*: силу, власть, желание.

Я убегаю от этих образов, потому что они разрушают стены, которые я строила годами. Стены «приличия», «разумности», «безопасности». Если я позволю им рухнуть, то окажусь там – в мире, где нет границ. Где есть только инстинкт, страсть и два тела, сплетённые в одно.

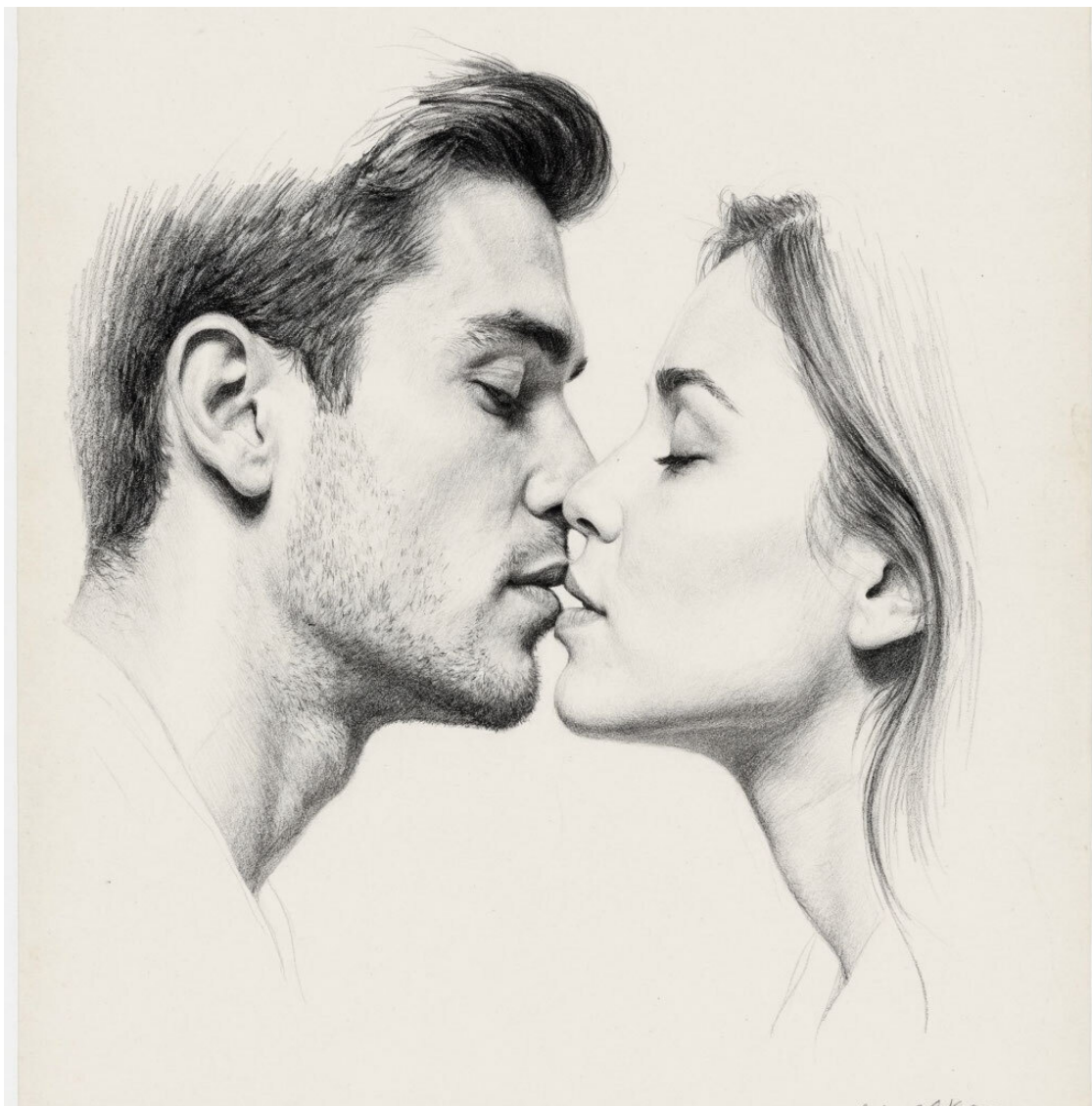
Чего я избегаю? Я избегаю *разрешить* себе.

Разрешить представить, как тыходишь в комнату – и воздух становится густым, тягучим, почти осязаемым. Как ты смотришь на меня – не глазами, а *руками*, будто уже касаешься. Как делаешь шаг – и расстояние между нами тает, как лёд под солнцем.

Я избегаю думать, что будет, если я просто скажу: «Возьми меня». Без предисловий, без оговорок, без «может быть». Просто – *возьми*. И ты возьмёшь. Не нежно. Не осторожно. А так, как хочешь *на самом деле*.

Я боюсь этой мысли, потому что она открывает дверь в мир, где я не контролирую. Где я – не «сильная и независимая», а *слабая* от желания. Где моё тело говорит громче разума. Где я могу потерять голову – и, что самое страшное, *не захотеть* её находить.

Поэтому я прячу эту мысль. Глубоко. Очень глубоко. Но она там. Живая. Ждёт.

Быть удовлетворённой – это не просто вспышка наслаждения, не краткий миг, вырванный из реальности. Это состояние, когда мир вокруг теряет резкость, а всё, что остаётся, – его руки на её коже, его дыхание у виска, его шёпот, от которого внутри всё сжимается и тает одновременно.

Для женщины быть удовлетворённой – значит чувствовать себя *выбранной*. Не одной из многих, не случайной встречей на одну ночь, а той самой, ради которой он готов остановиться, замедлиться, заглянуть в глаза и увидеть там не отражение собственных желаний, а *её*. Живую, настоящую, с дрожью на губах и слезами на ресницах, когда слишком много чувств, чтобы удерживать их внутри.

Это когда он не торопится. Когда его пальцы изучают её тело так, будто впервые, будто каждый изгиб, каждая родинка – откровение. Когда он слышит её без слов: по сбившемуся дыханию, по судорожному выдоху, по тому, как пальцы вцепляются в его плечи, а спина выгибается навстречу. Он не диктует ритм – он *чувствует* его. Ловит её пульс и подстраивается, ведёт и следует одновременно.

Удовлетворение – это не только тело. Это когда после, в полутьме, он не отворачивается к стене, а притягивает её ближе. Когда его ладонь лежит на её спине, медленно поглаживая, а губы касаются виска – легко, почти невесомо. В этом прикосновении больше признания, чем в любых клятвах. В нём читается: «Ты – здесь. Ты – со мной. И это важно».

Быть удовлетворённой – значит ощущать себя *в безопасности*. Не бояться быть уязвимой, не прятать дрожь, не сдерживать стон, не думать о том, как она выглядит в этот момент. Знать, что он примет её всю – с неровностями кожи, с неровным дыханием, с криком, который рвётся наружу, когда границы реальности размываются, и остаётся только чистое, первобытное *наслаждение*.

Это когда её смех звучит свободно, а глаза блестят не от напряжения, а от лёгкости. Когда она может посмотреть ему в лицо и сказать без слов: «Спасибо». Когда в её теле нет ни грамма напряжения, только приятная усталость и ощущение *полноты* – как после долгого, честного разговора, после слёз, которые наконец прорвались, после признания, которого она ждала годами.

Удовлетворение – это когда она чувствует себя *живой*. Не функцией, не декорацией, не средством для чьего-то удовольствия, а центром вселенной – *его* вселенной, пусть даже на эти несколько часов. Когда он смотрит на неё так, будто она – единственное, что имеет значение. Когда в его взгляде нет расчёта, только восхищение, желание и та самая *искренность*, от которой перехватывает дыхание.

И тогда, в тишине после бури, когда их сердца бьются в одном ритме, а кожа горит от прикосновений, она понимает: это и есть *удовлетворение*. Не просто физическое освобождение, а полное, безоговорочное *принятие*. Когда она – не «кто-то», а *она*. Единственная. Настоящая. Любимая.

Если бы у меня было право на одну безответственную глупость – какую бы я выбрала?

Я бы выбрала *тебя*. Без раздумий, без «а что будет потом», без оглядки на правила. Просто подошла бы – вплотную, так, чтобы чувствовать твоё дыхание на своей коже, – и сказала: «Поехали». Куда – неважно. В отель с красными шторами и скрипучей кроватью, в пустой вагон ночного поезда, в съёмную квартиру с видом на дождь.

Я бы позволила себе забыть обо всём: о списке «надо», о голосе разума, о том, что «так не делают». Только мы, твои руки на моей талии, мои пальцы в твоих волосах, и этот сладкий, головокружительный страх – что всё может пойти не так... или *именно так*, как никогда раньше.

Безответственная глупость? Да. Но какая прекрасная.

Я бы сорвалась. Ночью. Без звонка. Без предупреждения. Просто взяла такси, поднялась на твой этаж и нажала на звонок. Ты открыл бы дверь – сонный, взъерошенный, в одной футболке – а я бы шагнула внутрь и прошептала: «Я не могу больше ждать».

И не было бы никаких «давай поговорим», никаких «мне нужно время». Только губы на губах, пальцы, путающиеся в ткани, сбившееся дыхание. Я бы позволила себе быть наглой, жадной, неудержимой. Взяла бы всё, что хочу, – здесь и сейчас, пока эта ночь не растаяла, как дым.

Потому что иногда глупость – это просто смелость, которую мы боимся назвать своим именем.

Я бы выбрала ту, что давно прячется за рёбрами, как запретный плод. Представь: я захожу в бар, где ты сидишь с друзьями. Ты видишь меня – и твой взгляд меняется. Я подхожу, сажусь рядом, наклоняюсь к твоему уху и говорю: «Забудь их. Отвези меня к себе».

Мы выходим на улицу, ловим такси, едем куда-то, куда глаза глядят. Лифт, ключ, дверь, и вот мы уже у стены – не целуемся, а *сжигаем* друг друга губами. Одежда летит на пол, пальцы дрожат, но не от холода, а от нетерпения.

И пусть утром это станет легендой. Мифом. Историей, которую я буду перебирать в памяти, как драгоценные камни.

Если бы я могла позволить себе одну глупость...

Я бы сделала то, о чём думаю уже неделю. Позвонила бы тебе в три часа ночи и сказала: «Приезжай. Прямо сейчас. Без вопросов».

Ты приехал бы – злой, сонный, но всё равно *мой*. А я бы встретила тебя в дверях – в одном шёлковом халате, который едва держится на плечах. И пока ты бы пытался что-то сказать, я бы просто потянула тебя за руку в спальню.

Никаких разговоров. Никаких «а если». Только жар твоих ладоней на моей спине, шёпот на грани слышимости, стон, который я не успеваю сдержать. Я бы позволила себе *взять* – не просить, не намекать, а именно взять то, чего хочу больше всего на свете.

А утром? Утром я бы улыбнулась и сказала: «Это была моя единственная глупость в жизни. И она того стоила».

Одна безответственная глупость...

Я бы позволила себе быть дерзкой. Бесстыдной. Свободной. Чтобы ты увидел меня *настоящую* – не ту, что улыбается и кивает, а ту, что хочет, жаждет. Чтобы запомнил меня такой – с распушенными волосами, глазами, в которых нет ни капли сомнений.

Потому что одна глупость может стоить тысячи осторожных «нет». И я выбираю *да*.

В каких ситуациях я притворяюсь «сильной», хотя на самом деле мне нужна помощь?

Я притворяюсь сильной, когда ты спрашиваешь: «Всё в порядке?» – а я киваю и улыбаюсь, будто да.

На самом деле мне хочется уронить голову тебе на плечо и прошептать: «Нет. Мне страшно. Мне тяжело. Обними меня – просто обними, и пусть весь мир подождёт». Но я держу спину прямо, говорю: «Всё хорошо», а внутри – дрожь.

Я притворяюсь, что справлюсь сама, когда на самом деле хочу, чтобы ты взял всё в свои руки. Чтобы не спросил «что мне сделать?», а просто *сделал*: притянул к себе, поцеловал, сказал: «Я рядом» – так, чтобы я поверила. Чтобы почувствовала: можно расслабиться. Можно быть слабой. Можно *довериться*.

Но я всё равно держу оборону. Потому что боюсь: если опущу щит, то рухну – и ты увидишь, какая я на самом деле хрупкая.

Я притворяюсь сильной в те моменты, когда больше всего хочу быть слабой.

Например, когда мы ссоримся. Я стою, скрестив руки на груди, говорю холодно и чётко, а внутри – буря. Мне хочется, чтобы ты подошёл, сгрёб меня в охапку, прижал к себе так крепко, чтобы перестала дышать – и тогда, может быть, я наконец расплачусь. Чтобы ты шептал: «Тише, тише, я здесь», – а не ждал, пока я сама найду слова для примирения.

Или когда я устаю – по-настоящему, до дрожи в коленях. Но вместо того чтобы сказать: «Помоги мне», я продолжаю тащить всё на себе. Потому что привыкла. Потому что «сильная» – это моя маска. И я надеваю её, даже когда она жмёт, даже когда под ней слёзы.

А ты смотришь и не понимаешь: почему она такая колючая? Почему не просит о помощи?

Потому что страшно, милый. Страшно показать, что я не железная. Что мне *нужно* тебя – не как фон, не как поддержку на расстоянии, а как опору, на которую можно упасть без оглядки.

Я притворяюсь сильной, когда в постели ты спрашиваешь: «Что ты хочешь?» – а я пожимаю плечами и говорю: «Всё равно».

На самом деле я хочу, чтобы ты *знал*. Чтобы не спрашивал, а *чувствовал*. Чтобы взял меня за подбородок, посмотрел в глаза и сказал: «Сегодня я буду решать. Доверься мне». Чтобы

вёл – уверенно, властно, без колебаний. Чтобы я могла отпустить контроль и просто *быть* – женщиной, которую берут, любят, хотят до дрожи.

Но вместо этого я улыбаюсь и киваю: «Да, так хорошо». Хотя на самом деле мне нужно не согласие – мне нужна *власть* твоей руки на моём запястье, твоего голоса в моём ухе, твоего тела, которое не спрашивает, а *берёт*.

Я притворяюсь, что всё под контролем, потому что боюсь признаться: я устала контролировать. Я хочу, чтобы *ты* взял на себя эту ношу. Чтобы снял её с моих плеч – вместе с одеждой, вместе с маской «я сама».

В каких ситуациях я притворяюсь сильной?

Когда просыпаюсь ночью от кошмара – и делаю вид, что просто перевернулась. А на самом деле мне хочется прижаться к твоему плечу, услышать, как ровно бьётся твоё сердце, почувствовать, что ты здесь, что всё хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.